

Глава 3. Грязное белье Гу Фэя

— Гу Фэй! Гу Фэй, а ну открывай! — девичий голос, звонкий и полный жизни, разносился по всей округе с самого утра. Сопровождался он неистовым грохотом: в дверь колотили так, что та едва держалась на петлях.

Гу Фэй ушел на тренировку еще до рассвета, так что в доме остался один Цзян Жуцзин. Терпеливо дождавшись, пока канонада стихнет хотя бы на миг, Жуцзин глубоко вздохнул, завершил утреннюю медитацию и поднялся, чтобы впустить гостью.

Едва замок щелкнул, внутрь ворвался изящный силуэт.

— Гу Фэй, чтоб тебя, ты чего так долго... Ой!

Девушка хотела броситься в объятия, но Жуцзин просто шагнул в сторону. Гостья, не встретив сопротивления, едва не впечаталась носом в пол, но в последний миг успела упереться рукой и ловко кувыркнувшись, вскочив на ноги.

— Ого, — небрежно бросил Жуцзин, оценив маневр.

Девушка обернулась. Она пылала гневом, а её лицо было ярким и прекрасным, словно распустившаяся роза. На вид ей было лет семнадцать-восемнадцать — ровесница Гу Фэя. В ее взгляде смешались ярость и кокетство, но стоило ей разглядеть Жуцзина, как всё это сменилось крайним изумлением.

— Э? Ты еще кто такой? Где Гу Фэй?

Жуцзин лениво прикрыл глаза и ответил:

— Я его отец.

— Пфф! — Девушка прыснула со смеху. — Хватит шутить, малявка. Я тебя серьезно спрашиваю.

Жуцзин поднял взгляд и холодно посмотрел на неё.

— А ты что, моя невестка?

Девушка, будто вспомнив о чем-то, внезапно покраснела. Она забегала глазами по сторонам.

— Ну-у... как сказать... Гу Фэй слишком стеснительный, чтобы признать наши отношения

официально, но я верю, что наступит день...

— Понятно, — перебил её Жуцзин. Он фальшиво и приторно улыбнулся. — Чтобы войти в нашу семью, ты должна сначала одолеть свекра. Готова?

— Чего? — Девушка опешила.

В следующее мгновение Жуцзин точным ударом в шею отправил её в глубокий обморок. Она рухнула на пол, так и не поняв, что произошло.

Жуцзин усмехнулся, схватил девицу за шиворот и потащил к выходу. Вышвырнул за порог, захлопнул дверь. Идеально.

Он уже собирался вернуться к медитации, но вдруг замер. Поразмыслив секунду, он снова открыл дверь, затащил бесчувственное тело обратно и бросил в угол.

Оставлять её на улице в таком месте было всё же слишком небезопасно.

В полдень, когда Гу Фэй привычно запрыгнул в дом через окно, он застал странную картину: его старая знакомая сидела на обшарпанной лавке и, надувшись, яростно смотрела на медитирующего Жуцзина.

— Нин Лань? — У Гу Фэя дернулся глаз.

Услышав его голос, Нин Лань выждала пару секунд, чтобы набраться драматизма, а затем обернулась. Она мгновенно расплакалась.

— Гу Фэй! Он меня обижает!

В те времена Гу Фэй был лишь начинающим бойцом. Перед ним была Нин Лань — признанный гений боевых искусств острова Айлань. Он видел, как она бросилась к нему, но уклониться не успел. В очередной раз из тысячи он позволил ей навалиться на себя всем весом.

— Даже от девчонки увернуться не может. Слабак, — Жуцзин лениво приоткрыл один глаз и не упустил случая съязвить.

Гу Фэй неловко отстранил девушку, которая уже вовсю вытирала о него нос.

— Нин Лань, прекрати.

Девушка надулась, и слезы потекли ручьем по её яркому лицу.

— Пес ты шелудивый, Гу Фэй! Даже не заступился! Жить не хочу! — Она зарыдала так истошно и героически, будто оплакивала падение империи.

Раздался глухой хлопок — и рыдания оборвались. Гу Фэй едва успел подхватить обмякшую девушку и осторожно уложил её на скамью.

— Надолго она отключилась? — спросил он, ошарашенно глядя на Жуцзина. — И чем ты её ударил? Я даже движения не заметил.

— Ха! — Жуцзин фыркнул. — С одной девицей совладать не можешь. Слабак!

Гу Фэй поник. Он притащил старую табуретку, сел и обхватил голову руками.

— С ней всё иначе.

Жуцзин промолчал. Спустя минуту Гу Фэй поднял взгляд:

— Ты даже не спросишь, почему «иначе»?

— А зачем мне спрашивать?

— Если не спросишь, как я тебе расскажу?

— Ох... Ну и почему же с ней всё иначе? — Жуцзин смирился. Видимо, таков был местный ритуал ведения бесед.

И Гу Фэй начал свой рассказ.

Это была долгая и грязная история. Его отец, Гу Циньфэн, входил в десятку сильнейших мастеров острова Айлань. У него была законная семья и двое сыновей-близнецов — Гу Янь и Гу Е. Но когда братьям исполнилось по пять лет, он сошелся в поединке с мастером с соседнего острова. Наградой в той битве, военным трофеем, стала женщина — мать Гу Фэя. Победитель забрал её себе, а после одной ночи забыл о её существовании.

Прежний хозяин проиграл её в бою, новому она была не нужна. Женщине пришлось осесть на Айлане, а через два месяца выяснилось, что она беременна. Хуже того — её выследили старые враги. В отчаянии она пришла к Гу Циньфэну за защитой.

Её появление превратило жизнь Гу Циньфэна в сущий ад. Дома начались бесконечные

скандалы, и мастер, привыкший к почету, даже пообедать спокойно не мог. Его терпение лопнуло. На следующий день после рождения ребенка он вышвырнул мать с младенцем на улицу, заявив, что свой долг чести он выполнил, а дальше — пусть выживают как знают.

В Мире темных боевых искусств переступить порог дома означало вступить в бой. Стены были единственной зоной безопасности. Стоило человеку оказаться на открытом пространстве, как он подавал сигнал: «Я — цель. Нападайте на меня, и я нападу на вас».

Мать Гу Фэя, прижимая к груди новорожденного, буквально прорубала себе путь сквозь толпу. Окровавленная, израненная, она дотащила сына до Мусорной улицы. Там они и осели. Она растила сына, участвуя в бесконечных подпольных боях за деньги и еду.

Но удача изменила ей. Когда Гу Фэю исполнилось шесть, старые враги узнали, что защиты Гу Циньфэна больше нет. Годы изнурительных сражений и нелеченные раны истощили силы женщины. Она пала на арене, и враг раздавил ей череп на глазах у сына.

Единственным утешением было то, что в этом жестоком мире вражда не должна была касаться детей. Можешь убить соперника, но не трогай его семью.

Жуцзин, слушая это, лишь холодно усмехнулся.

«Благородство? Нет, просто способ гарантировать, что мясорубка никогда не остановится. Оставь сироту в живых — и через десять лет он сам придет под твой меч. Бесконечный цикл.»

Гу Фэй сам похоронил мать и кое-как выживал в одиночку. В четырнадцать лет он начал участвовать в ставках на арене, где и столкнулся с братьями Гу и Нин Лань.

Подросток, который раз за разом поднимался после ударов Гу Е, чем-то зацепил юную гениальную воительницу. Нин Лань бросила своих высокородных дружков и привязалась к Гу Фэю. А Гу Е, который всегда был к ней равнодушен, узнав правду о происхождении «мусора», начал изводить брата с утроенной силой. Гу Фэй не раз балансировал на грани смерти.

К Нин Лань Гу Фэй испытывал сложную смесь чувств. Ему льстило внимание такой красавицы, он гордился этим. Но её сила на фоне его слабости порождала в нем глубокую неполноценность. Он не мог ответить на её чувства и винил себя за это. В то же время её навязчивость приносила ему лишь проблемы, и временами он её просто ненавидел. Но она же не раз спасала его и научила основам техник... Так что ненависть мешалась с благодарностью.

В итоге он просто начал её избегать.

— Теперь ты понимаешь? — Гу Фэй преданно заглянул Жуцзину в глаза.

Жуцзин лениво зевнул, и в его взгляде мелькнул странный блеск.

— Твоя мать была великой женщиной. Будь она жива, я бы с удовольствием с ней побеседовал.

— Я не об этом спрашивал.

— Тогда мне больше нечего сказать.

Жуцзин поднялся и направился к ванной. Он презрительно прищурил свои миндалевидные глаза.

— Стадо ничтожеств, которым жажда боя выжгла глаза, — бросил он через плечо.

Гу Фэй открыл рот, но так и не нашел слов. Он чувствовал, что Жуцзин разгневан, но не понимал — на что именно.

Вспомнив последние слова наставника, он тупо переспросил:

— Мать?

Он решил, что Жуцзин злится из-за того, что она умерла слишком рано и он не успел её увидеть. Но что тут поделаешь? Мертвых не воскресить.

Ему и в голову не пришло посмотреть на себя со стороны. Он не заметил, что даже не вздрогнул, когда его подругу вырубил на его глазах. Не вспомнил, что, говоря о матери, не выказал ни капли печали или тоски. Его волновало лишь одно: если Жуцзин разозлится, продолжит ли он его учить?

Он был таким же, как и все в этом мире. В его сердце не осталось ничего, кроме жажды силы.

Это было полной противоположностью Пути чувств, который практиковал Жуцзин — пути эмоциональному, вольному и дерзкому.

«А что же "Се Чжицзянь"?» — подумал Жуцзин. Наверняка он такой же. В голове лишь этот проклятый «прогресс прохождения», а внутри — пустота холодного чудовища.

«А я? Не становлюсь ли я таким же в поисках этого человека?»

«Нет. Я иду Путем чувств. Я никогда не стану бесчувственной тварью.»

Но ведь он провалил небесное испытание. Путь чувств не выстоял против Небесной кары, не выстоял против «Се Чжицзяня». Если этот путь не дает вознестись и не позволяет удержать того, кто дорог, то какой в нем смысл?

Жуцзин ощутил, как внутри всё пришло в беспорядок. Он сплевывал дурно пахнущую пурпурную кровь, стараясь ни о чем не думать.

Возможно, когда он найдет этого парня, ответы придут сами собой.

<http://bllate.org/book/17530/1700504>